

О ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕНЕЗИСЕ «СКАЗОЧНОЙ ТРИЛОГИИ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С. Ю. Николаева

В статье рассматривается литературный генезис знаменитой сказочной трилогии М. Е. Салтыкова-Щедрина, раскрываются источники текста щедринских сказок, частично реконструируется круг чтения сатирика, делается вывод о целостности идейно-художественной структуры цикла, о близости мотивов «пасхального сознания» и метода «духовного реализма» щедринской творческой индивидуальности.

Ключевые слова: *М. Е. Салтыков-Щедрин, традиция, древнерусские памятники, литературный генезис, жанр, послание, поучение, сказочный цикл, творческий метод, эсхатология, «духовный реализм».*

При обращении к сказочному циклу М. Е. Салтыкова-Щедрина литературоведы чаще всего останавливаются на анализе особенностей его поэтики, композиции, «эзопова языка», определяют место сказок в жанровой системе писателя. Что же касается источниковедческого аспекта, то он остается малоизученным. А. С. Бушмин, рассматривавший истоки и становление жанра сказки у Щедрина, пришел к выводу: «Слова и образы для своих чудесных сказок сатирик подслушал в народных сказках и легендах, в пословицах и поговорках, в живописном говоре толпы, во всей поэтической стихии живого народного языка. <...> Опираясь на фольклорно-сказочную и литературно-басенную традицию, Щедрин дал непревзойденные образцы лаконизма в художественном истолковании сложных общественных явлений» [2, с. 22–23].

Итак, малые жанровые формы устного народного творчества и литературная басня (в первую очередь И. А. Крылов) – вот основа жанрового творчества и новаторства Щедрина. Однако, учитывая насыщенность щедринских текстов «чужим» словом, высокую степень их «литературности», выявленную в новейших исследованиях [6; 7],

следует признать, что сказкам в этом отношении «повезло» гораздо меньше, их интертекстуальность пока еще не раскрыта [14].

Попытаемся прокомментировать источники «маленькой трилогии», опубликованной в журнале «Отечественные записки» (1869, № 2–3) и включавшей в себя «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик». Эта трилогия положила начало сказочному циклу Щедрина, стала зерном его обширного эпического замысла.

Время создания названных произведений совпало с периодом написания «Истории одного города», когда в творческом сознании сатирика серьезное место заняли многочисленные исторические и древнерусские литературные памятники [4; 5]. Закономерно поэтому, что и в трех сказках так или иначе получили особое преломление такого рода источники.

Следует отметить, что если главная мысль первой из сказок «малого» цикла лежит на поверхности – это мысль о невозможности существования социальной элиты без непрерывно трудящегося народа, – то основная художественная коллизия требует от читателя эстетических усилий и позволяет приоткрыть нравственно-философские оттенки смысла произведения, не ограничиваясь социально-обличительными.

Щедрин создает эту коллизию с помощью фантастики, перемещая своих генералов на необитаемый остров, в «рай земной», плодами которого они не могут воспользоваться. Генералы остаются один на один с природой, с мирозданием и оказываются в положении первобытных, допотопных людей – Адамовых детей. Окружающий мир поражает их своей красотой, богатством и многообразием и вместе с тем раздражает своей недостижимостью:

«Пошел один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит. <...>

Зашел генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают. <...>

– Кто бы мог подумать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде роятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

– Как все это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал» [11, т. 16–1, с. 8–9].

Щедринские герои оказались в положении Адамовых детей, лишенных «рая небесного» и поставленных перед необходимостью в поте лица осваивать «рай земной», но самостоятельно справиться с этой ситуацией не могут.

Яркая и очевидная параллель к этой сюжетной коллизии, тонко аранжированной сатириком, обнаруживается в любопытном древнерусском памятнике, который относится, по-видимому, к концу XVII в. и опубликован по рукописи XVIII в. Н.С. Тихонравовым в одном из его известнейших изданий [13, с. 72]. Название памятника – «Разговор о Адамовых детях, како жили». Написано это произведение в форме послания – письма к другу, а, как известно, эпистолярные формы имели особую значимость в жанровой системе Щедрина [3] и могли стать дополнительным стимулом при обращении к данному тексту. Положительная рецензия на это издание, написанная А.Н. Пыпиным, была помещена в «Современнике» за 1860 г. [11, т. 16-1, с. 26–27]. Как известно из биографии писателя, 1857–1864 гг. – период наиболее тесных идейных, творческих, деловых и личных связей Щедрина с «Современником», и присутствие журнальных публикаций в круге чтения сатирика несомненно. Более точных, прямых указаний на знакомство Щедрина с названным памятником XVII в. нам найти пока не удалось, но сопоставление текстов (тихонравовского и щедринского) убеждает в их сознательной художественной соотнесенности.

Старинный автор пишет: «...и пришло мне на мысль помянуть вкратце прадеда нашего Адама житие, как он имел по изгнании из рая за свое преступление. Диковина не малая подумать, как он завод свой заводил – хоромное строение и хлебную пашню, рыбную ловлю, сенные покосы и прочее! Стал он прежде избу строить, где бревна сечены и не сечены. Сечь чем? топором? а топор не кован, а тупорище

не сделан. Ах беда! прежде избы надобно кузницу строить, а железо из земли не выкопано, а и копать чем, не умеет; уголья не жжены, и жечь не знает. Еще лес стоит на корене: что тут в начале завести железные заводы, аль сечение лесов? пашню ли копать, аль сохи, бороны делать? Плотники не рождены, кузнецы не зачаты, протчие мастера вси еще на свет не успели и хитрецы не вышли. Ах любезный наш праотец! Коликия слезы ты испусти о своем несчастьи! Колики плачевными гласы воздух наполнил в таком горьком житии! Чрево пищи просит, а пища не сеена. Уже божием повелением бысть то, что рожь растет, но еще не жата: рвать ли ея с коренем, того бедный не знает! Сорвет колос, да другой: надобно молотить, а как молотить, и не слыхивал; обмолотивши, надобно молоть, а как молоть? и где жернова? и где огонь? и где квашня? и где мутовка? и печь не складена. Тут-то надобно жить, да не тужить. Дождь с неба пошел: надобно укрыться; стужа стала – надобно одеться: кафтан не шит, а шуба не кроена, а ножницы да игла где? того и не бывало».

Приведенный текст представляет собой контаминацию двух жанровых форм: автор соединяет послание с поучением, при этом он создает оригинальную вариацию популярнейшей в Древней Руси темы «Адамова греха», которая особенно подробно разрабатывалась в апокрифической литературе. В одной из богомильских легенд, опубликованных в фундаментальном труде И. Я. Порфирьева, Ева так рассказывает о своих страданиях после изгнания из Эдема: «Адам же пад на лица своем и плакася горько... и изнеможе душа моя голодом, и рекохъ ко Адаму: «Господине мой, востани, да поищеве себе храмины. Оуже бо сердце мое охладе во мне голодом, и душа моя омале во мне». Адам же возникнувъ рече: «О Евво, находит на сердце мое, да разорю икону твою, но не имам с кемъ быти и боюся Бога, и сердце мое не удаляется от тебе». И воставше обыдохомъ всю землю, и не обретохомъ ничтоже снадно, токмо волчець и траву сельную. И паки придохомъ во Едемъ и плакахомся с въздыханиемъ» [3]. Именно этот апокриф (наряду с другими источниками) использовал в своих сочинениях протопоп Аввакум, усилив его сатирическую направленность ради обличения современных «дьявольских детей-алманашиков». Пререкания Адама и Евы комментируются у Аввакума в стиле «вяканья»: «Правится, бедной, бытто от неволи зделалось так, а беспрестанно желает тово, на

людей переводят, а сами ищут тово. Что Адам на Еву переводит? А сам где был? <...> Бедные! Все правы, а виноватова нет» [1, с. 392].

Неизвестный писатель XVII в. не просто пересказывает древний апокриф – он импровизирует в манере, напоминающую Аввакумову. Об этом свидетельствуют многочисленные, очень короткие, отрывистые, риторические вопросы и восклицания («Ах беда!»; «Как молоть? И где жернова? И где огонь?»), афоризмы («плотники не рождены, кузнецы не зачаты, протчие мастера... хитрецы не вышли»), явная ирония («рожь растет, но еще не жата: рвать ли ее с корнем, того бедный не знает!»). Ироническое сочувствие Адаму и Еве и нынешним «разумным свиньям» звучит у Аввакума лейтмотивом, почему и узнается легко его отзвук в тихонравовской рукописи (ср.: «Увы о них, бедных!»; «Бедные, бедные, как вам не сором себе!»; «Покайтесь, бедные, пред Богом!» [Там же, с. 393]). Столь же иронично и сочувствие Щедрина своим генералам.

Таким образом, оказывается, что щедринская сатира выростала и из опыта русской сатирической традиции XVII века.

В духе средневекового провиденциализма «богоглаголивый» Аввакум и анонимный автор в «Летописях...» Н.С. Тихонравова возводят грехи, пороки и преступления своих современников к первоначальному греху Адама и Евы. Суровый «прокурор русской общественной жизни» XIX в. также использует эту параллель. Но если Аввакум с ее помощью высмеивает духовно-нравственную несостоятельность современных потомков Адама и Евы, то тихонравовский писатель говорит о социальной беспомощности своих героев, которые не способны обеспечить себя пищей, одеждой, кровом в отсутствие плотников, кузнецов, пекарей, ткачей и «протчих мастеров». Щедрин в сказке про двух генералов сохраняет и усиливает социальную направленность «Разговора о Адамовых детях...» и идет по пути Аввакума, делая нравственно-философские обобщения.

Исторгнутые неведомой силой из рая, который существовал для них в регистратуре и в квартирах на Подъяческой улице, генералы уподобились Адаму и Еве и их детям и горько заплакали. Голод едва не лишил их человеческого облика:

«Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание.

Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье... Но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали они оба разом, – ведь этак мы друг друга съедем!» [11, т. 16-1, с. 9].

Точно так же в средневековом апокрифе Адам гневается на Еву: «...находит на сердце мое, да разорю икону твою, но не имам с кем быти и боюся Бога». Точно так же смеется над библейскими персонажами и своими современниками Аввакум, как Щедрин над генералами: «Кругом дело пошло: друг на друга переводят, а все заодно своровали»; «Ввел дьявол в беду, а сам и в сторону» [1, с. 391–392].

Все, чего не могут сделать генералы – «Адамовы дети», с легкостью проделывает «мужичина», причем его бытовые навыки, жизнестойкость и связь с культурой, если не сказать – цивилизацией, несомненна:

«Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков... Потом покопался в земле – добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку – и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец развел огонь и напек столько разной провизии... <...>.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру веревка была готова. <...>

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. <...>

И выстроил он корабль – не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

Набрал мужик пуху лебяжьего и устал им дно лодочки...» [11, т. 16-1, с. 11–13].

Итак, щедринский «мужичина» способен и огонь добыть, и пищу приготовить, и укутать генералов пухом лебяжьим, одеть и согреть, и даже «Ноев ковчег» построить для возвращения домой. Весь предметно-бытовой ряд, присутствующий в памятнике XVII в., Щедрин вводит в свою сказку, подвергнув его определенной смысловой переакцентуации. Он значительно развивает, детализирует мотив пищи, недоступной его героям, как и «Адамовым детям» древнерусского произведения. «Хлеб насущный», к которому привыкли генералы,

включает в себя не только белые булки, но и «шекснинску стерлядь золотую», и фазанов, и землянику, и осетра, и налима... Жизнь в регистратуре действительно была «раем на земле»!

Любопытно, как разрешается основная коллизия в щедринской сказке и у автора тихонравовской рукописи. Религиозное мировоззрение XVII в. обуславливает единственно возможный вывод – упование на Бога: «...видно нам без власти Божей ничего не сделать, а Бог в семь дней все сотворил для нас» [13, с. 72]. Творческое сознание Щедрина и его демократические взгляды приводят к тому, что на первом плане оказывается не возвеличивание и восхваление Творца, а тонкое художественное обоснование роли «мужичины», то есть простого народа в историческом бытии нации, государства, культуры, нравственности. Грех Адама и Евы состоял в том, что они обрели лукавое знание, под сказанное дьяволом, они захотели сравниться в своей власти над миром с самим Богом – и потерпели крах. Щедринские генералы пытались съесть яблоко, но не смогли снять его с дерева. Их грех состоит не во многом знании – они совершенно невежественны. Их грех в знании лукавом, несправедном: они знают, что ради насыщения их чрева, которое тоже пищи просит, как некогда было с Адамом и Евой, должен беспрерывно трудиться «мужичина-лежебок». Только вопрос о наказании за этот первородный грех генералов (то есть верхушки общества) получает у Щедрина необычное толкование и заслуживает особого внимания.

Дело в том, что мотив «Адамова греха» в Библии и в соответствующих апокрифах, в том же сочинении Аввакума, в духовных стихах включается в целый комплекс тесно связанных между собой мотивов. Преступление Адама и Евы привело к тому, что на земле стали родиться люди-исполины, и Господь истребил их во время Потопа и рассеял по лицу земли при столпотворении. Воды Потопа и разрушение столпа – это воплощение движущих сил Истории. Это еще не Апокалипсис, но уже Возмездие – наказание людям за гордость, высокоумие, безбожие.

Эсхатологическими настроениями и мотивами пронизана «История одного города», создававшаяся синхронно с «Повестью о том, как один мужик двух генералов прокормил», причем, как замечали многие литературоведы, исторические катаклизмы в Глупове не приносят

очищения и обновления, поступательное развитие отсутствует [4; 6; 12]. Аналогичная концепция разворачивается и в сказке.

Уже насытившие свое чрево генералы ведут беседу о том, действительно ли имели место всемирный Потоп и вавилонское столпотворение:

«– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

– Стало быть, и потоп был?

– И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей?» [11, т. 16-1, с. 25–26].

Этот диалог знаменателен тем, что в нем всемирно-исторические катастрофы толкуются как заурядные бытовые явления, не имеющие роковых последствий непосредственно для самих участников диалога, но объясняемые вполне обыденно, на уровне шутивого каламбура про «допотопных зверей». Потоп в художественном мире Щедрина не имеет исторической силы: он уже был, но ничего не изменилось – генералы очутились на необитаемом острове посреди океана, но и тут к их радости нашелся мужик, который их напоил и накормил. Потоп, может быть, и повторится, чем-то напоминая своей разрушительной силой смерч – «Оно» – в финале «Истории одного города», но отношения генералов и мужика останутся незбылемыми. Эсхатология у Щедрина принимает трагикомический характер. Этим обусловлен финал сказки : «Однако и о мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!» [Там же, с. 28].

Итак, «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» связана с таким источником, как «Разговор о Адамовых детях, како жили», а через его посредство и с обличительными сочинениями Аввакума, и с апокрифической литературой. Этот источник переработан в соответствии с эстетикой и идейной позицией Щедрина, риторическое поучение и обличение в нем трансформировано в эзоповскую сатиру. Вместе с тем писатель продолжает «мощную традицию

православного мировосприятия, свойственную русской литературе», сохраняет «её интертекстуальность в отношении Священного Писания» и в результате примыкает к тем авторам, у которых «главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека» и эстетические ориентиры которых связаны с «духовным реализмом» [9, с. 76].

Тот же самый «Разговор о Адамовых детях...» послужил первоисточником и для сказки «Дикий помещик». Ее герой, избавившись своими стараниями от мужицкого духу, мечтает – «думает, какой он плодovitый сад разведет: вот тут будут груши, сливы, вот тут – персики, тут – грецкий орех! <...> Ломятся, по щучьему веленью, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! <...> Наконец устанет думать, пойдет к зеркалу посмотреться – а там уж пыли на вершок на село. <...> Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра... – Ева, мой друг! – говорит он» [11, т. 16-1, с. 26–27].

«Дикий помещик» воображает себя Адамом в раю, и его настоящее – «дикое» состояние – это следствие утраты рая, основой которого, как и в сказке о двух генералах, является мужик.

История двух генералов и сюжет об одичании помещика образуют начало и конец «малого» сказочного цикла Щедрина. Средним, связующим звеном между ними писатель сделал сказку «Пропала совесть» – более дидактичную, с более открыто выраженным авторским голосом.

Мотив «пропавшей совести» – это попытка Щедрина объяснить «первородный грех» социальной элиты, преступившей многие заповеди, в том числе о любви к ближнему, о любви к народу. Он тоже мог быть подсказан писателю одной из публикаций тех лет.

В 1859 г. в журнале «Русская беседа» П. А. Бессонов, известный собиратель и исследователь духовного стиха, напечатал обнаруженный им в «Сборнике стихов духовоборческих» текст под заглавием: «О Горе и Веселье и о царе Разуме». Ученый сравнил этот стих с «Повестью о Горе-Злочастии», которая незадолго до того была опубликована А.Н. Пыпиным в «Современнике» (1856, № 3), а также изложил один из вариантов продолжения своего стиха: «Молодец... гуляет на чужой дальней стороне, собираются у ворот люди старые, мир, и су-

дят об его поведении; всем он хорош, да нет посоху в правой руке. Какой-то голос... убеждает его воротиться из чужой дальней стороны на родную, потому, де, что его матушка, Чиста Совесть, лежит больнехонька и чернехонька. Следует картина, как лежит на лавке больная Старая Совесть» [10, с. 26].

В старообрядческом духовном стихе Совесть названа матерью молодца – Ивана Горемыкина. Расставшись с ней, человек вынужден скитаться по белому свету. Щедрин также использует прием персонализации абстрактного нравственного понятия – Совести. Кроме того, стремясь к более широкому охвату действительности, Щедрин именно ее, Совесть, а не молодца, отправляет в путь-дорогу. Совесть начинает свои скитания и первым посещает «несчастливого пропойцу», очень похожего на героя «Повести о Горе-Злочасти»: «Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он подвергает себя, бьет его несравненно сильнее и строже, нежели самый строгий людской суд. Он не хочет даже принять в расчет, что большая часть того прошлого, за которое он себя так клянет, принадлежит совсем не ему, бедному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силе, которая крутила и вертела им, как крутит и вертит в степи вихрь ничтожною былинкою. <...> ...есть на свете горесть, лютейшая всех горестей, – это горесть внезапно обретенной совести» [11, т. 16-1, с. 14–15].

По сути дела, Щедрин здесь дает собственное толкование понятия «горе-злочастье» – Совесть. По его мнению, преследует героя сказки, героя духовного стиха и героя «Повести о Горе-Злочасти», не дает им покоя сохранившаяся или внезапно обретенная совесть. Раздвоение личности человека, будь то Иван Горемыкин духовного стиха, купеческий сын повести XVII в., «несчастливый пропоец», кабатчик, квартальный надзиратель, банкир из его сказки, Щедрин высмеивает и осуждает, так как смотрит на окружающую действительность с позиции народа, ведь «в народной смеховой культуре», по наблюдениям А.М. Панченко, «“двойничество” как проявление элитарной культуры подвергалось осмеянию» [8, с. 152]. Совесть, по Щедрину, не должна покидать человека и существовать отдельно от него.

Интересно, что горе доброго молодца в повести XVII в. возводится к греху Адама и Евы и мотивируется «неуимчивостью» человеческого сердца. Обращение Щедрина еще и к данному источнику могло быть подкреплено тем, что в первой и последней сказках цикла аллюзии и реминисценции из апокрифа об Адаме и Еве тоже присутствовали. Тем самым писатель добивался глубинного художественно-смыслового единства всего цикла (трилогии). (О тонком знании Щедриным духовных стихов, фольклорных и древнерусских памятников, в том числе «Повести о Горе-Злочастии», свидетельствует его рецензия на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника св. Афонской горы инок Парфения» [11, т. 5, с. 42–49].)

В каждой из трех сказок Щедрин развернул тему греховности своих современников, всего современного общества. «Грех» генералов и помещика он интерпретировал как разрыв с народом, пренебрежение к нему, но он бросил упрек и многим другим людям, занимающим разное социальное положение (от пропойцы до банкира), избоблив грех утраченной совести, – грех, который обусловлен не социальными, а нравственно-психологическими причинами («неуимчивостью» сердца человеческого). Щедринская эсхатология, в которой обновление подменяется возвращением на круги своя, получает точное объяснение: невозможно изменить социальное устройство человеческой жизни, не изменив нравственной природы человека. Такова центральная идея «сказочной трилогии» Щедрина – идея по сути своей «пасхальная», позволяющая говорить о внутренней связи творчества Щедрина с принципами «духовного реализма» [9, с. 76].

Список литературы

1. Аввакум Петров. Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда Бог человека // Сатира XI–XVII веков. М.: Сов. Россия, 1987. С. 391–394.
2. Бушмин А.С. М.Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. Л., 1971. С. 3–30.
3. Елина Е.Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 89 с.

4. Литвинова Е.В. К вопросу о древнерусских источниках «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск: Наука, 1982. С. 182–195.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
6. Николаев Д.П. Два пути исторического переосмысления истории («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина и «История государства Российского» А.К. Толстого) // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М.: Наследие, 1998. С. 114–147.
7. Павлова И.Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. н.: 10.01.01 / И.Б. Павлова; Московский гос. обл. ун-т. М., 2012. 36 с.
8. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
9. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–79.
10. Русская беседа. 1859. № 6.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
12. Слинько А. А. Чаадаевские мотивы в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1996. С. 64–69.
13. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым: В 5 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Тип. Грачева и комп., 1859. 198 с.
14. Шаврыгин С. М. Вечные темы и сюжеты в «Сказках» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Литература в школе. 1993. № 6. С. 40–47.